

A romantic couple in a city setting. A woman with long, wavy brown hair and dark eye makeup is in the foreground, looking directly at the camera with her hand near her chin. A man with short brown hair, sunglasses, and a beard is standing behind her, looking off to the side. He is wearing a white t-shirt and jeans. The background shows a city street with buildings and a warm, golden light, suggesting sunset or sunrise.

Бывшие

ЗАПРЕТИ МНЕ
ТЕБЯ ЛЮБИТЬ

АЛЕКСАНДРА САЛИЕВА

Александра Салиева

Бывшие. Запрети мне тебя любить

«Александра Салиева»

2018

Салиева А.

Бывшие. Запрети мне тебя любить / А. Салиева — «Александра Салиева», 2018

ISBN 978-5-5321-0884-4

Мы были парой ещё со школьных времён. Но он предал меня. А я сбежала. Поклялась больше никогда не возвращаться. Зря зарекалась. Спустя восемь лет мне предстоит вернуться туда, где разбилось моё сердце, и посмотреть в глаза тому, кого так и не смогла забыть. Что ждёт нас с ним теперь? предавший однажды способен предать вновь. Или же я ошибаюсь? Ведь у него иное мнение, и для него предатель – это я. Содержит нецензурную брань. Книга также выходила под названием «Бесконечное падение».

ISBN 978-5-5321-0884-4

© Салиева А., 2018

© Александра Салиева, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александра Салиева

Бывшие. Запрети мне тебя любить

Пусть осудят. Ну и что с того?

Жертвы суеверий и предрассудков...

Horus

Глава 1

«Range Rover» цвета спелой вишни пересекает границу города, а у меня словно сердце в пропасть срывается. Целых восемь лет проходит, как я бываю здесь в последний раз, хотя по сути ничего с тех пор существенно не меняется. Всё те же домики, стройным рядом мелькающие за окном, которые вскоре сменяются жилыми высотками. Дальше – немного пробок на центральной дороге из-за череды экскурсионных автобусов, наполненных туристами. Дорожная разметка по-прежнему радует глаз своим стабильным обновлением, газоны и цветочные клумбы в парковых зонах напоминают о завидном постоянстве ухаживающих за ними. Да, город выглядит точно так же, как и в тот день, когда я покидаю его, зарекаясь сюда никогда не возвращаться. Разве только я сама меняюсь. Да и не даю себе больше таких громких обещаний. Поняла уже, судьба – та ещё дрянь, так и норовит испытать человеческую гордость и высокомерие, поставив на колени. По крайней мере, со мной всё именно так происходит.

А от моих мрачных мыслей отвлекает сигнал входящего звонка.

– Жень, вот трудно тебе позвонить хоть раз вовремя, да? – без лишних предисловий бросается обвинениями муж, едва я беру трубку. – Совсем не волнует, что я переживаю, как ты там одна доехала? На дороге всякое может быть. И почему GPS отключила?

Пытаюсь вспомнить номер экипажа дорожно-постовой службы, попавшейся мне на пути. Кроме них не заметила никого, кто мог бы «сдать меня» в такой короткий срок. Уж слишком оперативно супруг узнаёт о приближении окончания моего десятичасового путешествия.

Зря только фору себе создавала, превышая скоростной режим...

– Ром, я только-только в город въехала. Просто ещё не успела тебе набрать. Через пару минут всё равно бы позвонила, – оправдываюсь неохотно.

Последний его вопрос нагло игнорирую. На самом деле, очень хочется банально послать абонента куда-подальше, но я стойко подавляю возникший порыв, пусть и чрезмерная опека мужчины изрядно бесит.

– А я тебе что говорил? Чтобы ты отзванивалась мне каждую сотню километров и перед тем, как въедешь в город, – продолжает распекать он укоризненным тоном. – Твоя мать уже несколько раз мне звонила. Справляла, где ты и когда приедешь.

Тяжело вздыхаю, понимая, что остынет Агеев ещё не скоро.

– Слушай, я за рулём. Здесь движение оживлённое. Давай потом поговорим, а? – нахожусь с первым предложением, чтобы закончить неприятный разговор.

Не дожидаясь от него ответа, отбрасываю телефон на соседнее сиденье, глубоко и медленно вдыхая. Повторяю в таком же духе несколько раз, пытаюсь вернуть себе спокойствие. Оно мне ещё пригодится.

Вскоре британский кроссовер сворачивает с асфальтовой поверхности на грунтовую.

– И правда ничего не изменилось, – ухмыляюсь самой себе.

Столько лет прошло, а нормальную дорогу в этом переулке так и не сделали. Даже раритетный «Ford Mustang» цвета мокрый асфальт припаркован напротив родительского дома на том же самом месте.

При виде машины сердце замирает. Нет, конечно, дело не в допотопной тачке. В том, кому она принадлежит. Её владелец – тот, из-за кого я собственно и сбежала из родного города. Да и возвращаться не собиралась. Но обстоятельства, что б их...

Автоматические ворота открываются раньше, чем я успеваю приблизиться к ним, поэтому без лишнего промедления въезжаю во двор двухэтажного коттеджа из красного кирпича. Фасад по-прежнему увит плющом. Придомовая территория в идеальном порядке. Ни единой соринки на уложенной брусчаткой поверхности, а хозяйка уже ждёт на крыльце.

– Жень, ну наконец-то! – восклицает мама, как только я паркуюсь и выхожу из машины. – Как доехала?

Немного за шестьдесят, изрядно похудевшая, с налётом усталости в серых глазах, она по-прежнему способна улыбаться мне своей самой открытой ласковой улыбкой, от которой сердце наполняется безграничной нежностью. Всегда восхищаюсь этой особенностью дарить окружающим тепло и заботу, несмотря на то, что и у неё самой на душе неспокойно.

В несколько скорых шагов подхожу к родительнице и крепко обнимаю её, целую в щёку. И тут же хмурюсь.

Интересно, давно она тут ждёт?

– Тебе же нельзя вставать, – озвучиваю своё недовольство, отстраняясь. – Нормально я доехала. Чего со мной будет? Не в первый раз на дальняк езжу одна.

Сама открываю входную дверь, терпеливо дожидаясь, пока женщина зайдёт первой. Внутри тоже ничего особо не поменялось. Интерьер в стиле французского прованса радует глаз нейтральными серо-голубыми тонами. Гостиная столь же просторна – небольшой мягкий диванчик и пара кресел не занимают много места. Разве что на кухне, совмещённой с зоной столовой, обновлена вся техника, а гарнитур из брашированного дерева заметно стареет.

– Ходить тоже надо, – отмахивается она от моего замечания. – А то так совсем не смогу ничего делать... – ворчит. – Ты, наверное, голодная, – спохватывается хозяйка, ковыляя в сторону кухни, демонстративно позабыв об изначальной теме разговора.

– Ма-ам, – вздыхаю устало. – Я сама!

Насильно усаживаю её на один из стульев, приставленных к обеденному столу, и сама ставлю на плиту металлический чайник, включая газовую конфорку. Всё-таки ещё вчера моей самой родной и любимой женщине поставили диагноз, при котором рекомендован только покой, а никак не ведение домашнего хозяйства.

– Ты вещи ведь ещё не собирала? – интересуюсь, открывая дверцы одного из кухонных шкафов.

Невольно морщусь, потому что на полке стоит только чай – никакого кофе нет в помине.

– Нет, не собирала, – отзывается мама.

– Ну и хорошо, сейчас вот чай попью, и я сама тебе всё соберу, – выдыхаю облегчённо, а то, зная маму, заранее предполагаю сколько всего придётся загрузить в машину. – Если выедем в течении часа, успеем доехать к вечеру, чтобы не по темноте. Ты же не любишь по ночам в дороге... – продолжаю на своей волне.

– Нет, дочь, – тихо прерывает мой монолог женщина. – Не надо вещи собирать.

Недоумённо оглядываюсь, приподнимая бровь в немом вопросе.

– Не поеду я никуда, – дополняет она с грустной улыбкой. – Как же я это всё оставлю? – обводит рукой пространство она, явно имея в виду не только кухню. – Да и в мои года переезжать в другой город – не самая лучшая идея. Уж лучше я здесь останусь.

Надеюсь, это она так пошутила...

Неудачно!

– Ма-ам, – бросаю в её сторону укоризненный взгляд. – Мы же всё обсудили. И комнату тебе даже приготовили, – вздыхаю устало, усаживаясь на стул рядом с ней. – Ты же сама сказала, чтобы я за тобой приехала, – беру за руки, слегка сжимая. – Ну, так чего теперь?..

В серых глазах мелькает вина и сожаление. Но, похоже, это совсем не те эмоции, которые вынудят маму изменить решение.

– А разве иначе бы ты приехала? – натянуто улыбается она, а по бледной щеке скатывается первая слеза. – Столько лет прошло, а ты ни в какую... – добавляет, коротко всхлипнув. – Хоть денёчек побудь со мной. Соскучилась же я по тебе. Так давно не видела.

Теперь чувство вины настигает уже меня.

– Ну прости, – бормочу себе в оправдание.

Обнимаю самую дорогую и любимую женщину на свете, чувствуя, как в душе разливается горечь. За последние шесть лет она сама не раз приезжала ко мне в гости, когда здоровье позволяло, но я сама ни под каким предлогом не поддавалась уговорам навестить отчий дом. Слишком много здесь того, что не даёт свободно дышать.

– Ничего, милая, – ласково гладит ладонью по голове мама. – Ничего. Я всё понимаю. Всё хорошо, Жень. Правда...

Большого она не говорит. Но нам обеим и без того понятно, что остаётся в том последующем молчании, которое длится следующие минуты, пока свисток закипевшего чайника не нарушает краткую идиллию, наполненную тенью прошлых обид и разбитых сердец.

– Так ты чай будешь? – спохватываюсь запоздало.

Мама кивает, утирая слёзы, а я выключаю газ, после чего берусь за заварку её любимого напитка из суданской розы. К чаю достаю пирожные, найденные в холодильнике, и выкладываю на небольшое блюдецко.

– Сама-то тоже голодная, – укоризненно подмечает мама, как только я ставлю приготовленное перед ней. – Там в духовке мясо запечённое есть... – не договаривает, намереваясь подняться с места.

Но я останавливаю, усаживая обратно.

– Не хочу, – мотаю головой в отрицании. – Я потом, ладно? Ты лучше чай пей, – невольно улыбаюсь, глядя на неё.

Всё-таки, давно никто так не заботился обо мне, невзирая на собственное состояние.

Как же я скучала по маме!

– Ну, смотри у меня, – подозрительно прищуривается в ответ родительница.

Снова улыбаюсь.

Правда моя радость длится недолго.

Из-за распахнутого настежь кухонного окна с улицы доносится звук заведённого мотора. Узнаю его из тысячи других.

Такой громкий.

Пробирающий до глубины души...

Невольно сжимаю кулаки в попытке унять не на шутку разошедшееся сердцебиение, до боли впиваясь в ладони ногтями.

Подумать только!

Вот опять, как самая тупая малолетка, реагирую на малейший признак Его присутствия! Ненормальная. И такая же всё-таки дура!

– Арсений снова балуется, – улавливает посторонний шум и мама. – С тех пор, как старший брат переехал, с утра до вечера только и красуется перед соседскими девчонками на его прежней машине. Ещё тот загульщик, – хмыкает в довершение она.

Сердце пропускает удар. Мне будто бетонная плита на голову рушится. От известия о том, что Рупасова-старшего нет поблизости, вопреки моей несносной мнительности, я абсолютно точно должна испытывать облегчение. Вот только почему-то сейчас со мной происходит совершенно иное.

Да и проклятый орган в моей грудной клетке никак не желает успокаиваться.

– Устала я что-то, – нахожусь с первым же предложением, чтобы остаться ненадолго в одиночестве. – Пойду прилягу. Посплю немного. А ты подумай ещё раз. Тебе нельзя тут одной и дальше. Лучше бы ты со мной поехала, – добавляю через плечо, поднимаясь по лестнице на второй этаж.

– Лучше бы *ты* тут осталась, – доносится мне вслед тихим сожалением.

Ничего не отвечаю ей. Учитывая природную упёртость матери, уже знаю, что она в любом случае не передумает... как и я.

Добравшись до своей комнаты, тут же достаю телефон и набираю мужу. Рома берёт трубку почти сразу, что довольно удивительно, учитывая степень его извечной занятости. Обычно всегда перезванивает сам. Намного позже.

– Она отказывается ехать, – говорю сходу. – Хочет, чтобы я осталась здесь хотя бы на день, – добавляю нехотя.

Абонент некоторое время молчит, а после удивляет меня ещё больше:

– Хорошо. Останешься только на день?

Если я хоть отчасти знаю Агеева, он бы никогда просто так не смирился со сменой намеченных ранее планов, тем более, что к переезду матери мы готовились основательно. Не такой он человек. У него всё расписано с поминутной точностью. Он даже отдыхает и то по расписанию. А это может значить только...

– Ты знал, что она не поедет со мной, да? – закипаю в одно мгновение, заканчивая мысленный итог вслух. – И ты правда хочешь, чтобы я тут осталась? С чего бы это?

Мужчина снова не спешит отвечать, тяжело вздыхая. Пауза затягивается надолго. Но, как только я собираюсь устроить новый допрос, он заговаривает вновь. Настолько мрачно и жёстко, что мне остаётся только и стоять дальше с открытым ртом.

– Мне Решение озвучить надо. Давай позже обсудим. Оставайся там. Я сам тебя заберу. Скорее всего, завтра, ближе к вечеру. Не ездь больше одна по трассе. Это не безопасно. Лучше сходи, развейся куда-нибудь, у тебя же там друзья есть. Проведи время с ними, – даже не дожидаясь от меня малейшей реакции, он отключает вызов.

А я так и остаюсь в полнейшем недоумении на пороге своей комнаты, бездумно уставившись на цветочный орнамент бирюзового покрывала, устилающего двуспальную кровать. И очень пытаюсь понять, что это только что было.

– Да пошли вы все... – бормочу в итоге собственному телефону.

Бросаю гаджет на кушетку, установленную у изножья ложа из светлого дерева, а после иду в душ. Контрастный водный поток – явление не из приятных, но зато помогает успокоиться в какой-то мере.

Поскольку не намеревалась здесь оставаться, то и вещей не брала, поэтому приходится довольствоваться тем, что носила раньше. В смежной комнате, переоборудованной под гардеробную, все мои прежние вещи на месте. Даже разложены точно так, как я всё оставила. Только пыли нет нигде.

Переоблачившись в потёртые джинсы светло-голубого оттенка и ярко-жёлтую блузу, отмечаю про себя, что одежда сидит слишком просторно. Оказывается, я немного похудела.

Спускаюсь вниз, но мамы на кухне нет. Нахожу её в гостиной, в одном из кресел с закрытыми глазами. Судя по дыханию и тому, что никак не отреагировала на моё появление – спит.

Подбираю с дивана вязаный ею же когда-то плед и укрываю женщину. Стараясь не шуметь, возвращаюсь наверх. И сама засыпаю буквально в ближайшие минуты. Просто проваливаюсь в темноту, едва голова касается подушки. Видимо, дальняя дорога и правда сказалась на уровне моей усталости...

Глава 2

К тому времени, как я просыпаюсь, за окном сгущаются сумерки. Оказывается, проспала весь день. В доме царит полнейшая тишина. Мама на первом этаже нет.

Нахожу её на веранде, сидящей в плетёном кресле. Помещение ярко освещено потолочной подсветкой и ограждено от улицы панорамными окнами, часть из которых распахнута настежь. Сентябрьский воздух, несмотря на позднее время, всё ещё хранит тепло, а ветерок дует лишь изредка, да и тот слабенький.

Женщина, нацепив очки, читает один из бульварных романов в историческом антураже. Ей, в отличие от меня, всегда нравилась подобная литература, а после похорон отца она вообще буквально запоем потребляет подобный жанр.

– Проснулась, – ласково улыбается мама при моём появлении.

Киваю в ответ, устраиваясь удобнее в соседнем кресле. Так мы и сидим некоторое время. Она продолжает читать. Я – смотреть на неё и думать о своём. Но воцарившееся молчание нисколько не тяготит, ведь мы обе не отличаемся многословием в последние годы.

– Ты бы друзей навестила что ли, – спустя примерно полчаса вновь заговаривает женщина. – Чего тут сидеть со мной, старой? Вон Ленка тебе точно обрадуется. Спрашивала о тебе недавно. Говорит, ты совсем редко звонить стала.

Невольно морщусь. Мне очень не нравится частое упоминание о собственном преклонном возрасте, то и дело срывающееся с уст матери.

– Мне и тут хорошо, – улыбаюсь натянуто.

В то же время за воротами слышится звук подъезжающего автомобиля, а следом, как только машина останавливается, разносятся громкие басы. Наверняка дверцы специально оставили открытыми. Долго гадать не надо, чтобы знать, кто в этом переулке такой наглец. В подтверждение последнему, на фоне музыки, доносятся весёлые голоса, один из которых точно принадлежит Арсению Рупасову – нашему соседу из дома напротив, а ещё два: каким-то девушкам, которых я вроде как не знаю. Все трое слишком громко шутят, да и вообще явно навеселе.

– Поздно уже. Пойду я лягу, – вздыхает мама, – а ты и правда сходи прогуляйся. Всё равно ведь целый день спала. Уснёшь теперь не скоро.

Она закрывает книгу и откладывает ту в сторону, поднимается из кресла и уходит в дом. С добрую минуту я размышляю над её предложением, попутно вспоминая о том, что примерно те же инструкции получены мною от мужа. Но, честно говоря, выходить за пределы ограды совсем не хочется. Как и видеть всех тех, кто там может встретиться. Поэтому, справедливо рассудив, что шляться по ночам мне давно не по возрасту и статусу, как и мама, возвращаюсь в дом, предварительно забрав из машины кое-какие личные вещи.

Весь следующий час я посвящаю тому, чтобы убедить себя ещё поспать, бездумно уставившись в белый потолок своей комнаты. Да только толку мало. Поднимаюсь с постели и подхожу к комоду у дальней стены, какое-то время рассматривая старые фотографии в резных белых рамочках, хранящие моменты, когда я и родители отдыхали в Испании. Образ папиных карих глаз наполняет душу отголосками эмоций прошлого, но я решительно отделяю тоску и печаль, оставляя в сердце только те мгновения, когда чувствовала себя счастливой. Ностальгия по прошлому оказывается настолько сильна, что даже решаюсь позвонить мужу, чтобы извиниться за былое поведение. Очень хочется с кем-то поговорить.

Берусь за телефон, и, убедившись в том, что время ещё не переваливает за полночь, набираю номер Ромы. Но бездушный женский голос сообщает на двух языках: абонент недоступен.

Странно...

К тому же, Агеев удивляет меня за сегодняшний день уже даже чаще, чем за все семь с половиной лет супружеской жизни.

Предаваясь навязчивым сомнениям в поведении супруга, начинаю нервничать, следующие полчаса выхаживая по комнате. Очередные прошедшие полчаса ничего нового не приносят. Я начинаю накручивать себя ещё больше.

Машинально хватаюсь за пачку сигарет, употребляемую мною в последнее время редко, и выхожу на балкон. Как только прикуриваю, замечаю, что развесёлая компания около американского спортсмена никуда не девается. Хорошо, хоть музыку выключают. И, поскольку я нахожусь на самом виду, то и они тоже замечают меня.

– Ка-акие люди! – совершенно не думая о позднем времени, выкрикивает Арсений, потом оглядывается по сторонам и добавляет ехидно: – И без охраны даже! – отвечает шуточный поклон. – Или где твой надзор, моя королева? – напоминает прозвище, прицепившееся ко мне ещё со школьных времён.

Бывший одноклассник задирает голову, пристально разглядывая меня с неприкрытым любопытством, а обе его светловолосые спутницы в цветастых коротеньких платицах тихонько шушукуются, скривив недовольные гримасы явно в мою честь. Все трое однозначно пьяны, что называется «в хлам». Огромное количество пустых бутылок, разбросанных поблизости, самое верное тому доказательство.

– Надзор прибудет завтра, – усмехаюсь в ответ. – Сами как?

Очень стараюсь изобразить добродушие, прикрывая за этой лицемерной маской тот факт, насколько сильно цепляют его последние слова.

– А у нас праздник! – отзывается Рупасов-младший, взмахнув наполовину выпитой бутылкой портвейна в левой руке. – У Ариши день рождения! – обнимает одну из блондинок, притягивая к себе, а после крепко целует в щёку, отчего девушка заметно краснеет. – Спускайся, моя королева, составишь нам компанию! Мы вот на пристань собираемся. Поедешь? Я же помню, как ты любишь море.

Предложение очень заманчивое, вот только...

– Поздно уже. Да и устала я с дороги, – оправдываюсь первым же пришедшим в голову предлогом. – В следующий раз, ладно? – добавляю для смягчения.

Та, которая Ариша, и её подруга определённо рады моему отказу, потому что улыбаются во весь рот, будто только что джек-пот сорвали, а вот Арсений явно недоволен.

– И так не видел тебя с позапрошлого года, а ты... – бурчит он. – Эх, ты... Михалёва! Зануда ты, как есть, зануда!

Смеюсь в ответ, делая вид, что воспринимаю всё в шутку, и машу ему рукой на прощание, намереваясь вернуться в дом. Сигарету так и не докуриваю, потушив ту в одну из подставок для цветочных горшков, которой раньше для этих же целей пользовался папа. И даже разворачиваюсь спиной к улице, но потом слышу, как хлопают автомобильные дверцы, а следом заводится двигатель «Ford Mustang».

Они и правда собираются ехать на пристань на нём?!

– Эй! – возмущаюсь, махнув рукой Арсению. – Ты обалдел что ли?

Брюнет лишь беззаботно пожимает плечами и трогает автомобиль с места...

Ну и дурак же!

– Подожди, я сейчас спущусь! – выкрикиваю следом.

Автомобиль притормаживает, а Арсений высовывает голову из окна.

– Зачем? С нами поедешь что ли? Передумала?

С несколько секунд мысленно проклиная безголового соседа...

– Передумала, – ухмыляюсь злорадно, а воображение во всех возможных красках рисует гипотетическое наказание, которое обязательно применю, когда он протрезвеет.

И всё-таки, отпустить его я действительно не могу...

Уходит пара минут, чтобы прихватить с собой пиджак, телефон, документы и ключи от своей машины. К тому времени, как я выезжаю на своём кроссовере за пределы ограды родительского дома, Арсений так и продолжает сидеть за рулём спорткара, с которым лично у меня связано столько воспоминаний, что и смотреть на него больно.

– Паркуй машину, поехали, – команду, опустив стекло с водительской стороны.

Брюнет одаривает меня снисходительным взглядом. Вот только трогаться с места не спешит. Его лицо озаряет неприкрытое злорадство.

– Что, королева предпочитает свою карету? – ухмыляется он.

Точно знаю – издевается, гад!

– Королева предпочитает безопасность и отсутствие лишних проблем, – хмыкаю невозмутимо и приподнимаю бровь в ожидании, добавляя безоговорочным тоном: – Либо ты сейчас будешь хорошим послушным мальчиком и вместе со своими прелестными спутницами пересаживаешься ко мне, а я отвожу вас на пристань, либо я Светлане Владимировне сейчас позвоню, и никто из вас вообще никуда не поедет.

И пусть звонить в такое время его матери на самом деле даже близко не собираюсь, но неприкрытая угроза срабатывает.

– Ау-ч, Михалёва! Ниже пояса бьёшь, – голубые глаза лукаво прищуриваются. – Какая же всё-таки ты зануда... – вздыхает удручённо в добавление, прижимая правую руку к груди в показательном жесте. – И чего я в тебе нашёл только? Каждый раз ты мне сердце разбиваешь, ей богу!

От такой наглой провокации невольная улыбка расплзается на моих губах сама собой.

– Агеева – я. Не Михалёва давно, – поправляю его. – И уж лучше я позволю разбиться твоему непомерно любвеобильному сердцу, чем шальной голове, Сень, – хмыкаю добродушно. – Пересаживайтесь давайте, а то мы так на пристань и к утру не приедем.

Бывший одноклассник посылает мне ответную понимающую улыбку. В следующую минуту «Ford Mustang» занимает положенное ему место перед соседним коттеджем из белого камня, а троица благополучно размещается внутри моей машины. Девушки усаживаются позади, Арсений же – рядом со мной. Наполовину распитую бутылку портвейна из рук он так и не выпускает, а вкупе с количеством выпитого компанией алкоголя, салон быстро наполняется соответствующим запахом. Даже открытые настежь окна не спасают. Как назло, последнее удаётся оценить не только мне, но и ближайшему инспектору дорожно-постовой службы, который останавливается нас буквально через пару перекрёстков, после того как мы выезжаем на главную дорогу. Подленькое хихикание сидящих позади девушек пользы делу также не приносит.

– Добрый вечер. Можно ваши документы? – обводя подозрительным взглядом моих попутчиков, интересуется худощавый блондин в тёмно-синей форме с соответствующими отличительными знаками государственной инспекции.

Его тон далёк от дружелюбия, а на лице мелькает хищный оскал, поэтому режим да-пошёл-ты-господин-начальник включается во мне на уровне рефлекса. Слишком хорошо я выучила по одному только взгляду таких, как он, чего следует ожидать от подобных встреч.

– Добрый вечер, – отзываюсь с плотоядной улыбкой и склоняю голову вбок, удобно устранив локоть на автомобильной дверце. – А можно ваш жезл? – интересуюсь вполне искренне, выставив руку в окно.

С добрую пару секунд стоящий на улице мужчина моргает в непонимании, пока я с неприкрытым любопытством разглядываю предмет глупейшей дискуссии.

– Аа-а... – озадачивается. – Зачем вам мой жезл? – озвучивает причину своей протрации будущая жертва моего плохого настроения.

– А зачем вам мои документы? – отзываюсь с ещё большим интересом, нежели прежде. – Я что-то нарушила? – бросаю мимолётный взгляд на нагрудный знак его формы. – Да и соб-

ственно... вы вообще кто? Представились бы хоть, для начала. Свои документы показали бы. Уже потом бы с меня что-либо спрашивали.

Замешательство в серых глазах инспектора быстренько сменяется многозначительным обещанием в мой адрес. Тут и гадать не надо, чтобы знать, что будет дальше. Доброго и позитивного там и близко нет, конечно же. Собственно, именно на это я и рассчитываю. Как только он открывает рот повторно, на этот раз я слышу всё, что положено озвучить носителю погонов младшего сержанта изначально: фамилия, звание, а также причину остановки, путь она и притянута за уши.

А в довершение...

– Выйти из машины! – рявкает он.

Тяжело вздыхая, внутренне прилагая огромные усилия, чтобы не отпустить новые замечания по поводу того, что не обязана делать и этого. Отстёгиваю ремень безопасности, а затем следую приказу, прихватив с собой документы. Дальше всё выглядит точно так же, как и десятки раз в подобной ситуации. Меня усаживают на заднее сиденье служебного автомобиля, пробивают по базе... Отпускают, принося множество фальшивых извинений. Даже проводить к месту следования моего пути предлагают. А к тому времени как я возвращаюсь обратно, в салоне внедорожника ничего не меняется. И если девушки пялятся на меня с непониманием, продолжая перешёптываться между собой, то вот Арсений, конечно же, не забывает отпустить едкий комментарий:

– Круто быть женой федерального судьи, да Жень?

С этим я могла бы поспорить. Но мне банально лень.

– Да. Замечательно просто, – проговариваю сухим тоном.

Настроение окончательно испорчено. Не намереваясь продолжать неприятный диалог, отворачиваюсь от него и оставшуюся часть провожу в молчании. Пассажиры тоже не спешат заводить новый разговор, а тяжёлая атмосфера буквально давит на сознание. И всё становится ещё хуже, как только мы добираемся до конечной цели.

Если бы я знала, к чему всё на самом деле идёт, в жизни бы не вышла на тот балкон!

Глава 3

«Range Rover» припаркован у набережной, а я глушу двигатель в то время, как пассажиры выбираются наружу. На несколько секунд замираю, прикрывая глаза, и просто ставлю окружающий мир на паузу, занимаясь мысленным самокопанием. Шум неподалёку собравшейся у катера толпы позволяет различить несколько знакомых голосов. Компания по большей части мне известна. С некоторыми я училась в одной школе, с кем-то дружила, когда жила здесь... Очень хочется просто уехать, но продемонстрировать такую степень своей трусости перед теми, кто заметил моё появление – выше истинных желаний. Поэтому вдыхаю глубже, цепляю на лицо подобие беззаботной улыбки и толкаю дверцу машины, выныривая следом за остальными.

– Смотрите, кого я к вам привёз! – оповещает Арсений громким радостным воплем.

Он подходит ко мне гораздо ближе, чем следовало бы, и бесцеремонно обнимает за шею. Голубые глаза смотрят так пристально и оценивающе, что сразу становится понятно – парень просто пытается поддержать меня. Видимо, чувствует моё внутреннее состояние. И это наводит на определённую мысль, которая мне совсем не нравится...

Сосед абсолютно трезв, а содержимое бутылки портвейна в его руке употреблена точно не им! И почему я раньше этого не понимаю?!

– Женька! – очередной счастливый возглас на этот раз принадлежит моей бывшей подруге. – Ты когда приехала?! И почему не позвонила?!

Разряженная в узкое короткое платье телесного цвета на тонких бретелях шатенка пошатывается на высоких каблуках, но всё равно бежит мне навстречу. На год старше меня – та, с которой когда-то я делилась всеми своими секретами и доверяла больше, чем стоило бы, буквально вешается одновременно и на меня, и на Арсения, сграбастав в свои жадные объятия.

– Да недавно я приехала, – оправдываюсь, как могу, натянуто улыбаясь.

Но, по всей видимости, подобного ей явно мало. Она переводит требовательный взгляд в сторону Рупасова-младшего и интересуется так, будто меня и нет уже поблизости:

– Слушай, ты где её нашёл? И чего раньше не предупредил? Ладно, она у нас, как замуж вышла, такая нелюдимая стала, а ты-то чего?

Брюнет беззаботно пожимает плечами, в то время как я пытаюсь выпутаться из излишних объятий их обоих.

Удаётся не сразу, но всё же...

– Всё равно я тут ненадолго. Приехала маму забрать, – проговариваю ровным, ничего не значащим тоном. – И сюда приехала тоже только чтобы Сеню и девчонок привезти, – оглядываюсь в сторону блондинок.

Надеюсь, этого будет достаточно, чтобы она поняла – дальше тусоваться с ними я не намерена. Девушки в свою очередь охотно кивают, как китайские болванчики. Очевидно, что чрезвычайная симпатия, которую выказывает в мой адрес Арсений, воспринимается ими гораздо серьезнее, чем стоило бы. Ещё с тех пор, как в школьные годы я встречалась с его старшим братом, так уж повелось, что он относится ко мне по-особенному, но ничего больше быть не может.

– Да ла-адно тебе, Михалёва, – нарочито растягивает гласные брюнет, отходя от меня на шаг назад, обнимая обеих своих спутниц. – Ты же не в самом деле зануда? Столько времени не виделись. Составь нам компанию! Все будут только рады тебе. Чем больше народу, тем веселее!

Он задорно подмигивает, а я мысленно подыскиваю новый повод избавиться от навязанного веселья, при этом не обидев присутствующих. Ленка в свою очередь уже начинает изображать обиду, сложив губки бантиком и состроив оскорблённую физиономию.

– Не любит она нас. Как есть не любит, – печально качает головой девушка. – Забила на нас совсем, будто и знать не хочет.

Мой первый ответный порыв – добавить к сказанному ей гораздо больше в таком же духе, подтвердив каждое её слово, но в итоге оставляю всё при себе. Да и вообще не могу произнести больше ни слова, стоит лишь перевести взгляд с шатенки чуть в сторону, где находятся остальные. А всё потому, что встречаю тяжёлый взгляд бездонного синих глаз, который одним своим существованием способен размазать меня по асфальту получше любого дорожного катка. Кислород просто вышибает из моих лёгких. И всё, что остаётся – мысленно биться в истерику, проклиная себя за то, что вообще посмела вернуться в этот город.

Почему я не заметила его здесь раньше?!

– Ну, Жень, – продолжает хныкать Ленка. – Давай покатаемся на катере вместе, – дёргает меня за рукав пиджака, словно малолетний ребёнок, выпрашивающий конфетку. – Ты же сама сказала, что уедешь скоро, а мы с тобой так давно не виделись! Ну, когда ещё до тебя снова доберусь? Ты ж вечно занятая у нас. Ну, Жень! Ну, поехали!..

Она говорит что-то ещё. Но я больше не слышу. Лишь вижу, как от толпы бывших приятелей, подруг и одноклассников отделяется высокая широкоплечая фигура в безупречно сшитом чёрном костюме с блестящими серебристыми запонками. Белоснежная рубашка расстегнута на три верхние пуговицы, а галстук почти совсем развязан, но даже так мужской образ совсем не вяжется с распушенностью или чем-то подобным. Немного суровые черты лица, тронутые лёгкой щетиной, столь же идеальны, как и прежде.

Вот бы мне провалиться сквозь землю и исчезнуть прямо сейчас!

Он перебирает между пальцев автомобильный брелок и продолжает неотрывно смотреть в мои глаза, плавными неспешными шагами двигаясь навстречу. Будто у хищника, почуявшего запах крови своей жертвы, на его губах медленно растягивается убийственно плотоядная ухмылка. И чем меньше между нами расстояние, тем явственнее я понимаю одно:

О. Мой. Чёртов. Бог.

Больше ничего. Совершенно. Кромешная темнота и пустота наполняют сознание, не позволяя думать вообще ни о чём. Сердце колотится в груди так, будто ещё немного и готово рвануть наружу. Или просто расколоться на миллионы осколков. В очередной раз. И снова лишь для него одного.

– Долго же тебя не было, – ничего не значащим тоном проговаривает подошедший.

Лёгкая хрипотца прозвучавшего баритона ударяет по моим нервам новым раскатом слабости. Вот только похоже я тут одна-единственная, кто является невменяемой, ведь ни один мускул не дрогнул на лице Артёма, ему будто бы глубоко плевать, а он сам вообще нисколько не удивлён моему появлению. Или так оно и есть? К тому же... Это всё, что он может мне сказать? После долгих мучительных восьми лет молчания? После всего, что произошло между нами? Серьёзно?

Вот же...

Блядство!

Бездонный омут синевы продолжает неотрывно гипнотизировать и словно прибавляет меня к месту, не позволяя двигаться или хотя бы вздохнуть, поэтому даже рот открыть не удаётся, чтобы высказаться в ответ. Да и необходимости нет. Оказывается, отпущенное замечание предназначалось вовсе не мне.

– Да я всё ждал, когда моя королева изволит снизойти до меня. Заметил ещё утром, когда она приехала. Очень уж хотелось свидеться и пообщаться с ней, – беззаботно пожимает плечами Арсений. – Да и думаю, не я один тут по ней соскучился. Сама-то она хрена с два бы приехала, – хмыкает в довершение жутко довольный.

Если бы меня сейчас сбил двухтонный прицеп, наверное, я была бы удивлена меньше, ведь Арсений целенаправленно притащил меня... к нему!

Твою ж мать!!!

Медленно разворачиваюсь в сторону предательски улыбающегося Рупасова-младшего.

Очень хочется съездить ему по физиономии, а ещё лучше просто убраться отсюда, пока ситуация окончательно не вышла из-под контроля.

Хотя кого я обманываю? Разве в моей жизни осталось хоть что-то, что могло бы сопровождать только моей инициативе?

Даже мой муж и тот... Муж! Точно!

– Мне надо Роме позвонить, – бормочу тихонько.

Больше не в силах терпеть пытливый взгляд Рупасова-старшего, отворачиваюсь и иду обратно к своей машине, вынимаю из заднего кармана джинс телефон. Набираю Агеева. Как назло, тот снова недоступен. И всё равно я набираю вновь. Сначала служебный, потом рабочий, а после домашний, несмотря на то, что это абсолютно нелепо и заранее обречено на провал. Но мне нужно делать хоть что-то, чтобы унять дрожь в руках... Прикуриваю. Бросаю телефон на переднее сиденье машины и глубоко вдыхаю сигаретный дым, наслаждаясь отравой. И очень надеюсь, что эти дозы никотина убьют меня прежде, чем то, что с такой необъятной силой разрывается душу изнутри подобно безжалостной пытке самой преисподней.

Ад. Точно. Мой персональный ад, от которого я так долго и благополучно скрываюсь. Настиг меня. В буквальном смысле, потому что не проходит и минуты, как чужие тяжёлые ладони опускаются на мои плечи, аккуратно разворачивая.

– Ты ещё и куришь к тому же, – точно так же, как и прежде, произносит Артём в абсолютном безразличии. – И давно?

Я правда обязана отвечать или оправдываться?

Нет, конечно...

Но высказаться очень хочется...

И пусть я потом ещё тысячу раз пожалею об этом.

– С тех пор, как ты решил, что трахать мою лучшую подругу гораздо перспективнее, чем держать обязательства в качестве отца перед своим будущим ребёнком, – проговариваю медленно и проникновенно, давая прочувствовать весь тот яд, которым пропитаны мои слова.

И всю ту боль, которую доводится испытывать по его вине.

– Не скучайте тут без меня, – добавляю в довершение, бросая взгляд в сторону стоящего поодаль Арсения. – Увидимся ещё, – откровенно вру, выбрасываю так и не выкуренную сигарету, разворачиваюсь обратно к машине, запоздало припоминая, что кое-кто руки от меня так и не убрал. – Не мог бы ты?.. – не договариваю, приподнимая бровь в немом ожидании.

И вновь сталкиваюсь с равнодушным взглядом, отнимающим мою волю.

– Не мог бы я – что?.. – кривит губы в недоброй ухмылке Артём.

Нравится им всем что ли издеваться надо мной?!

– Не мог бы ты просто убрать свои руки, а не умничать ни к месту? – едва сохраняя самообладание, проговариваю сквозь зубы.

Восемь лет ему и дела не было до меня, минуту назад вообще сделал вид, что меня не существует, а теперь...

Чего надо-то вообще?!

– Мог бы, – продолжает в таком же духе брюнет. – Но не буду. Да и с чего бы? Ты бы тоже могла просто ответить на мой вопрос, а не сыпать тупыми обвинениями. Но ты не хочешь, так что я буду взаимным.

Кажется, у меня сейчас нервный припадок будет.

Или сердечный приступ.

– Слушай, Рупасов, мне давно не семнадцать. Теперь это не срабатывает, – скидываю его руки со своих плеч, намереваясь вернуться в машину. – Иди на хер.

Последнее, наверное, лишнее, но...

Не “наверное” – точно лишнее.

В чём я и убеждаюсь, как только самый первый в моей жизни мужчина хватается за локоть, бесцеремонно утаскивая в сторону другой машины. Очевидно, принадлежащей ему, если судить по внешнему виду новенького «Ford Mustang» грифельно-чёрного цвета, отмеченного двумя параллельными синенькими полосами через весь кузов и тому, что сигнализация срабатывает от брелка в руке.

– Слушай, ты же в курсе, что за похищение предусмотрено уголовное наказание? – интересуюсь, как только Артём запикивает меня на переднее пассажирское сиденье.

Не отвечает. Лишь едва заметно кривит губы в неприязненной усмешке, после чего молча захлопывает дверцу, обходит машину с капота и усаживается за руль. И пусть у меня определённо есть за эти секунды возможность воспользоваться предоставленной форой, но я продолжаю неподвижно сидеть на месте, нервно кусая губы.

Неужели и правда хочет поговорить?

А хочу ли этого я?

Да я почти треть своей жизни жду подобного момента!

Но тогда почему сейчас мне так страшно?

– Прокатимся кое-куда, поговорим, – глядя строго перед собой, сообщает он.

Заводит двигатель спорткара, а я рефлексивно хватаю мужчину за локоть в попытке остановить, но автомобиль срывается с места, беря направление прочь от набережной. Брюнет же насмешливо приподнимает бровь, показательно уставившись на мои пальцы, касающиеся его пиджака. Отдёргиваю руку, мысленно отвешивая себе парочку матерных проклятий.

– Если ты хочешь поговорить о чём-то, не обязательно уезжать, – пытаюсь пояснить содеянное. – И куда мы вообще едем? – оглядываюсь по сторонам, пытаюсь угадать дальнейший предполагаемый путь.

Отчего-то становится жутко стыдно. Будто бы я и правда не имею право его касаться. Наверное, потому что в какой-то мере, так и есть. Я замужем. Он – тот, с кем поблизости вообще находиться запрещено.

Так какого чёрта я тут делаю?!

– Артём, останови машину, – проговариваю твёрдо.

– Не истери. Поговорим, потом верну тебя обратно, – невозмутимо отзывается он.

– Я не истерю, – огрызаюсь по привычке. – А ты машину останови. Не будь козлом.

Да я вообще само спокойствие, учитывая то, что творится сейчас со мной!

– Ещё раз услышу хоть одно ругательство в мой адрес, и я тебе рот заткну. Вообще разговаривать не сможешь. Поняла? – будто и не слышит изначального посыла сказанного мной.

От такого заявления у меня аж дар речи пропадает.

Разворачиваюсь всем корпусом к водителю, внимательно разглядывая невозмутимое, немного отстранённое выражение лица, напряжённо сжатые на руле руки... И понимаю, что прежде Артём бы никогда так себя не повёл. И уж точно не стал бы разговаривать со мной подобным образом. А теперь... Этого мужчину я совершенно не знаю!

Глава 4

«Ford Mustang» пересекает половину города, продолжая двигаться в неизвестном мне направлении, а водитель так и не произносит больше ни слова. Я тоже молчу, обдумывая, как бы выпутаться из ситуации с меньшими потерями. Огни ночного города мелькают за боковым окном, куда я утыкаюсь лбом. Холод стекла гоняет приятные мурашки по коже и немного охлаждает мой пыл, помогая успокаиваться. И, вспоминая своё недавнее поведение при появлении Артёма, я даже успеваю раскаяться. Сама же ведь его спровоцировала.

И зачем только поддалась порыву своего отчаяния?

Хотела показать, что больше не та невинная овечка, которая безропотно смотрит в рот самому прекрасному хищнику, которого только могла встретить на своём пути?

Ну, умница, Женя – продемонстрировала, как нельзя лучше, выставив себя конченной идиоткой, не способной помнить, что такое самоконтроль. А ведь считала, что за восемь лет и правда изменилась: научилась не устраивать истерик и поддаваться своей самой великой слабости, имя которой Артём Рупасов – когда-то единственный во всём мире, чьё одно присутствие было способно погрузить в безумный круговорот эмоций, когда сдерживать свой глупую натуру просто-напросто не представляется возможным, а сердце предательски замирает при одном только осознании близости этого мужчины.

Когда-то, да...

Стоит дотронуться или взглянуть. И всё. Окончательно пропадёшь, сгинешь в омуте цвета бездонного океана и ослепительной улыбке.

Тогда я не знала, что любить...

Так больно.

Узнала потом, когда заявила к Артёму, огорошив «шикарной новостью» о своей беременности. Наивно думала, он обрадуется, будет счастлив так же, как и я, ведь мы были парой, но...

До сих пор помню, сколько растерянности читалось в бесконечной синеве тогда ещё любимых глаз. А ещё неверия. Оно и добило меня. Вынудило развернуться и уйти. Так холодно и одиноко я не чувствовала себя прежде никогда. Это теперь подобное состояние – самое привычное. И мне даже уютно в этом своём одиночестве, ведь никто не донимает своими участливыми разговорами и не лезет в голову. Не может сломать. Просто потому, что не знает. Если отвергать людей ещё до того, как они успеют нагадить тебе в душу – живётся значительно легче.

– Приехали, – вырывает из пелены размышлений сухой тон мужчины. – Выходи.

Оглядываюсь по сторонам. Автомобиль припаркован во дворе новостройки.

– Дай, угадаю. Ты привёз меня к себе домой? – отзываюсь тихонько в полнейшем ехидстве, попутно фигая от такой наглости. – Рупасов, ты издеваешься? Я никуда не пойду!

Чёрт, зачем я снова это делаю?

Для чего провоцирую его?

Стоило бы банально заткнуться и не пускать в свои мысли.

Нельзя ему знать, что в них творится.

Так проще.

– Что, предпочитаешь номер в гостинице? – насмешливо реагирует Артём, выходит из машины, обходит её и открывает дверцу с моей стороны. – Так и будешь сидеть тут? Пошли, – довольно грубо хватая за руку, не дожидаясь моей реакции, и вытаскивает наружу. – Не тормози, а тот тут у соседей языки длинные. Уверен, ты не захочешь, чтобы твой благоверный узнал, где и с кем ты провела эту ночь, – добавляет совсем злобно.

Он продолжает тащить меня следом за собой к одному из подъездов. А я даже не сопротивляюсь. Вспоминаю свою обиду на супруга, который впервые за семь с половиной лет нашего брака пропадает без предупреждения.

Да я просто обязана устроить Агееву маленькую месть!

Сам же хотел, чтобы я встретила со старыми друзьями...

Вот я и встретила, да.

Радуйтесь, Роман Владимирович! Всё исполню в лучшем виде!

Как мы проходим внутрь многоэтажки и поднимаемся на лифте, проплывает мимо моей памяти. Слишком сосредотачиваюсь на размышлениях о новой стороне своей супружеской жизни. Возвращаюсь в реальность будучи посреди светлой просторной комнаты, единственным предметом мебели которой является огромный кожаный диван цвета топленого молока. Идеально ровные белые стены, такой же потолок и застеленный светлым ламинатом пол на фоне двух закрытых дверей из матового стекла – даже штор на балконном блоке и окнах нет.

Чёрт, да тут так стерильно, будто и не живёт никто вовсе!

– Располагайся, – в абсолютном безразличии роняет Артём, прежде чем скрыться за одной из дверей.

Возвращается он буквально через минуту. В его руках два низких гранёных стакана и бутылка шотландского виски. Наполнив обе стеклянные посуды алкоголем, он оставляет бутылку прямо на полу, а один из стаканов протягивает мне, на что я недовольно морщусь.

Пить с ним я точно не собираюсь.

Тем более, мне за руль ещё садиться.

Как и ему, кстати!

Всё сказанное им прежде про ночь и прочее...

Полный бред!

А ещё запоздало, но вспоминаю, что не взяла с собой ровным счётом ничего, кроме пачки сигарет, оставшейся в кармане пиджака. Телефон – и тот остаётся в машине.

– Даже не думай напиться, – проговариваю строгим предупреждающим тоном. – Тебе меня ещё обратно везти.

Невзирая на его предыдущие высказывания и все мои шальные мысли, оставаться здесь до самого утра я точно не намерена.

– Останови меня, если сможешь, – бросает лениво в ответ Рупасов и тут же залпом опустошает один из стаканов в своей руке.

С несколько секунд мужчина прожигает меня презрительным взглядом, а после выпивает и вторую порцию, на что я устало вздыхаю, понимая, что спорить в данной ситуации точно бесполезно и глупо.

– Пешком дойду, если надо, – фыркаю и направляюсь на балкон.

Ночная прохлада несколько не помогает справиться с разбушевавшимися эмоциями. Пальцы всё ещё подрагивают, когда я прикуриваю, отодвигая один из пластиковых блоков в сторону. Нет, меня не трогает сам факт того, что я нахожусь в квартире своего бывшего. И на самом деле несколько не волнует, что скажет по этому поводу Рома. Всё, что действительно интересует в данный момент – зачем вообще Артём меня сюда притащил. Попросит прощения? Наверное, я ждала чего-то такого. Восемь лет назад. Или семь.

А теперь...

А что теперь?

Ничего.

Пустота.

В том числе в моей голове.

У меня просто-напросто не остаётся никаких сил пойти и завести разговор, чтобы узнать его собственные соображения по этому поводу. За прошедшие годы я не раз представляла, что

скажу ему при встрече, несмотря на то, что тщательно избегала каждую из них. В голове не собирается ни единой мысли, которую можно было бы озвучить. Именно поэтому я продолжаю стоять и пялиться на городской вид с высоты восьмого этажа в надежде, что Рупасов соизволит начать первым.

Ожидание моё длится недолго.

Негромко хлопает дверь, отделяющая меня от остального пространства квартиры. Не оборачиваюсь. Продолжаю упрямо изучать то, что перед глазами, хотя и не вижу уже ничего. Слишком явно и остро чувствую, как шёпот сентябрьского ветра приносит аромат мужского парфюма в примеси спиртного.

Амбра с ванилью и мускусом, шотландский виски и горячее дыхание, обжигающее затылок своей близостью – всё это будит чересчур яркие воспоминания. Прошное слепит похлеще дальнего по встречной на ночной трассе. И заставляет тонуть в этих ощущениях.

Мужчина ставит на подоконник передо мной стакан, снова наполненный виски, и кладёт обе ладони на край окна, заключая меня в своеобразный капкан из неприкасаемых объятий.

– До сих пор пользуешься им, – озвучиваю мысль о парфюме.

Когда-то я сама выбирала его...

Артём не отвечает, но по тому, как замирает его дыхание, понимаю – мужчина прекрасно знает, в чём истинный смысл моих слов.

– Выпей, станет легче, – проговаривает он тихо, спустя долгие секунды молчания.

Сигарета дотлевает сама по себе. Бросаю её в стакан, демонстрируя, что я думаю о сказанном им.

– Легче не будет никогда, – бросаю холодно. – По крайней мере, мне – так точно. А ты выпей ещё. Это же помогает!

Делаю шаг в сторону, намереваясь покинуть балкон, но Артём не позволяет, крепче сжимая пальцами белый пластик. Я же разворачиваюсь к нему лицом, собираясь раз и навсегда закончить со всем этим дерьмом, которым мы окружаем себя сами. Жаль, он не позволяет озвучить тот мысленный итог, к которому я наконец прихожу.

– Что мне сделать, чтобы ты перестала злиться? – спрашивает приглушённо. – Как всё исправить, Жень? Скажи, как всё вернуть.

Слишком подлые слова с его стороны...

Я вижу в синева взгляда напротив столько искренности, что замираю в нерешительности, не зная, что следует ответить. Он застаёт меня врасплох. Уж лучше бы снова язвил или делал вид, что ему всё равно. Тогда мне не было бы снова так больно, как сейчас.

– Исправить можно поломанное радио или долбаный радиатор в твоей тачке. То, что мы натворили – не исправить, – проговариваю негромко и очень стараюсь, чтобы мой голос не дрожал так предательски, хотя и выходит хуже некуда. – Да и зачем? Только не говори мне, что спустя столько лет ты осознал свою вину и вообще готов быть отцом. Теперь, когда уже слишком поздно! – сама не осознаю, как перехожу на повышенные тона.

Подкатывающая истерика переполняет разум и буквально разрывает сознание, наполняя рассудок горечью того, что потеряли мы оба. И не только по его вине.

– Так что иди ты на хер со своими желаниями! – продолжаю на эмоциях. – Понял? Я тебя даже видеть и слышать не хочу, не то, что объяснять что-то, больше не имеющее значение! Ты всё испортил. Точка! Пиши некролог своим поздним сожалениям! – отталкиваю его от себя, предпринимая новую попытку уйти.

И обязательно ушла бы. Если бы одна его ладонь не уцепилась за талию, с силой впечатывая меня в мужское тело, в то время, как вторая обхватила за подбородок, вынуждая смотреть ему в глаза.

– Да, я всё испортил. Но и твоя вина тоже есть, – жёстким, непреклонным тоном отзывается он. – Ты просто-напросто сбежала, не дав мне хоть немного времени опомниться. И где

я должен был тебя искать, а? За восемьсот километров в городе, о котором ты раньше даже вслух не упоминала? Как ты, мать твою, это себе вообще представляешь, а, Жень? – его пальцы сжимаются на моём лице крепче, причиняя физическую боль, но и она не сравнится с той, которая растёт и крепнет во мне от каждой сказанной им фразы. – Ты, мать твою, не дала мне и шанса! Ты, мать твою, сделала аборт! Так кто из нас больше виноват в том, что нихера теперь не изменить, а?!

Молчу. Глотаю стекающие по щекам слёзы. И снова молчу. На большее не способна. Но Артёма это не устраивает. Он отпускает моё лицо, перехватывает за оба запястья и тащит в комнату, бесцеремонно швыряя на диван.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.